

Н. БЕРБЕРОВА.

Двѣ влюбленности Гоголя

Сто лѣтъ тому назадъ въ Россіи жило замѣчательное семейство Михаила Юрьевича Вильгорскаго, о которомъ Робертъ Шуманъ сказалъ, что онъ былъ самымъ гениальнымъ изъ дипломатовъ. На музыку этого свѣтскаго композитора (и на слова Жуковского) пѣлись въ то время романсы. Пушкинъ однажды писалъ женѣ:

«Вчера я былъ въ концертѣ, данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкиныхъ, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Жаль, что ты ея не видала. Пѣли новую музыку Вильгорскаго».

Графъ Михаилъ Юрьевичъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ средоточіемъ петербургской артистической и великосвѣтской жизни: онъ былъ гостеприименъ, уменъ, отличался большимъ художественнымъ вкусомъ, имѣлъ придворный чинъ, дружилъ съ Пушкинымъ, Вяземскимъ, Жуковскимъ, и когда въ столицѣ появился Гоголь, взялъ его подъ свое покровительство.

Его жена, урожденная принцесса Биронъ, дама разборчивая, тонкая, очень скоро почувствовала къ Гоголю какую-то особенную, самой ей непонятную симпатію. Она не только стала принимать его у себя, но и переписывалась съ нимъ — больше на религиозныя темы. Графу Михаилу Юрьевичу Гоголь обязанъ былъ постановкой «Ревизора», сперва запрещеннаго: онъ же хлопоталъ передъ правительствомъ о напечатаніи его «Мертвыхъ Душъ». Этого высоко стоявшій и по рожденію, и по связямъ человекъ, проявилъ къ ихъ автору большое вниманіе и большую доброту. Отношеніе матери и отца къ Гоголю перешло въ дѣтямъ Вильгорскихъ.

У нихъ ихъ было много. Вторая дочь, Софья, въ сороковыхъ годахъ была уже замужемъ — за писателемъ, графомъ Соллогубомъ, авторомъ «Тарантаса» и «Воспоминаній». Третья долго оставалась въ дѣвушкахъ. Старшій сынъ, молодой графъ Іосифъ Михайловичъ, чахоточный юноша, жилъ въ Римѣ, на виллѣ кн. Зинаиды Волконской въ то самое время, когда лѣтомъ, въ 1839 году, тамъ жилъ Гоголь. Это былъ особенный человекъ, по свидѣтельству всѣхъ его знавшихъ: воспитанный вмѣстѣ съ наслѣдникомъ (будущимъ Александромъ II), онъ былъ талантливъ во всемъ, за что ни брался, былъ образованъ, готовился стать историкомъ. «Не встрѣчалъ я человека до такой степени безискусственнаго, — писалъ о немъ впоследствии М. Погодинъ, — и очень удивился, найдя такого въ высшемъ круту, между воспитанниками двора».

«Онъ былъ сладокъ и томителенъ, эти бессонныя ночи, — такъ изображалъ Гоголь свои дѣтныя подлѣ молодого умирающаго Вильгорскаго. — Онъ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онъ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святѣйшую ночную дѣлню. Минъ было такъ сладко сидѣть возлѣ него, глядѣть на него. Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу ты. Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ мнѣ. Онъ сидѣлъ все тотъ же кроткій, ти-

хий, покорный. Боже, съ какою радостью, съ какимъ бы веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь! И если бы моя смерть могла возвратитъ его къ здоровью, съ какою готовностью я бы кинулся тогда къ ней!»

Вилла кн. Волконской находилась на окраинѣ Рима, за церковью св. Іоанна Латеранскаго. Она была не только роскошно выстроена и убрана (здѣсь собирался весь цвѣтъ тогдашней Итали), но ея садъ былъ какъ бы посвященъ памяти ушедшихъ людей: здѣсь была урна въ память покойнаго поэта Веневитинова, камень съ именемъ талантливаго молодого археолога Рожалина. Въ особомъ гротѣ стоялъ бюстъ покойнаго Александра I, въ другомъ — обломокъ, посвященный Карамзину и другой — Пушкину. Были камни-памятники умершимъ слугамъ княгини и ея отцу. Въ этомъ саду, похожемъ на прекрасное, просторное кладбище, въ теплые лѣтніе дни работала молодой графъ Іосифъ надъ «материалами для литературы русской исторіи». Когда смеркалось и становилось свѣжо, онъ поднимался къ себѣ въ комнату и тамъ, у окна, или въ креслѣ на балконѣ, проводилъ томительную, итальянскую ночь.

«Я не былъ у него въ эту ночь, — писалъ Гоголь все въ тѣхъ же наброскахъ, которые позже назвалъ «Ночи на виллѣ». — Я вошелъ къ нему поутру. Онъ увидѣлъ меня, лежащій въ постели. Онъ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онъ далъ мнѣ руку, пожалъ ее любовно. «Измѣнникъ! — сказалъ онъ мнѣ, — ты измѣнилъ мнѣ». — Ангель мой, — сказалъ я ему, — прости меня».

Гоголь въ тотъ годъ снималъ комнату на той самой виа Сислина, на которой жилъ нѣсколько разъ впоследствии. Это было для него счастливое время, несмотря на то, что онъ переживалъ болѣзнь Вильгорскаго такъ, какъ, конечно, переживала болѣзнь молодого графа только его мать, (которой, однако, въ Римѣ не было). Но именно потому, что Гоголь былъ такъ захваченъ другимъ человекомъ — въ первый и послѣдній разъ въ жизни — это давало ему странное счастье, по которому онъ въ поздніе годы не разъ тосковалъ. Его жизнь какъ бы приостановилась, несмотря на писаніе «Мертвыхъ Душъ», несмотря на дружбу съ новыми людьми, римскими художниками, несмотря на знакомство съ Италией, которую онъ такъ любилъ. Вилла Волконской въ эти мѣсяцы была средоточіемъ его бытія: оставая виа Сислина и свою комнату, онъ проводилъ у княгини почти цѣлыя сутки — зная, что Вильгорскій недоговѣченъ, онъ жадно слѣшилъ прожить рядомъ съ нимъ его послѣдніе часы.

«Что ты приготовилъ для меня такой дурной май? — сказалъ онъ мнѣ, проснувшись, сидя въ креслахъ, услышавъ шумѣвшій за стеклами окнами вѣтеръ, срывавшій благовопія съ цвѣтшихъ дикихъ жасминовъ и бѣлыхъ акацій, и клубившій ихъ вмѣстѣ съ лепестками розъ. Я его оставилъ за три часа до этого времени, чтобы доста-

вить какое нибудь разнообразіе, чтобы мой приходъ потомъ былъ ему пріятнѣе. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Томленіе скуки выразилось на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ. Слегка махнулъ рукой. «Спаситель ты мой!» — сказалъ онъ мнѣ. Они еще донынѣ раздаются въ ухахъ моихъ, эти слова. «Ангель ты мой, ты скучалъ?» — «О, какъ скучалъ», — отвѣчалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались; онъ все еще жалъ мою руку».

Май проходилъ. Шумная жизнь на виллѣ Волконской какъ будто все меньше доходила до больного и его друга. Въ это время княгиня уже приняла католичество, и теперь окружала себя патерами, ведшими съ ней долгія душевнораспирительныя бесѣды. Гости не переводились: это было римское духовенство, политическіе дѣятели, писатели, художники, пріѣзжіе русскіе, свѣскія женщины. На балконѣ, гдѣ лежалъ молодой графъ, они появлялись изрѣдка — Гоголь ревниво охранялъ больного. И озы, и все окружающее его знали, что надежды нѣтъ никакой. Осталось ждать и стараться скрасить послѣдніе дни этого «младенчески-яснаго, прекраснаго человека съ сильнымъ, твердымъ характеромъ». «На Руси только свиньи живущи», — говорилъ Гоголь.

«Онъ не любилъ и не ложился почти вовсе въ постель. Онъ предпочиталъ свои кресла и то же свое сидачее положеніе. Въ ту ночь ему докторъ велѣлъ отдохнуть. Онъ принесялся неохотно и опираясь на мое плечо, шель къ своей постели. Душенька мой! Его уставшій взглядъ, его теплый нестройный стуртукъ, медленное движеніе шаговъ его — все это я вижу, все это передо мной. Онъ сказалъ мнѣ на ухо, прислонившись къ плечу и взглянувши на постель: «Теперь я пропащій человекъ». Я глядѣлъ на тебя, мой милый, нѣжный цвѣтъ. Во все время, когда ты спалъ ич только дремалъ на постели и въ креслахъ, я слѣдилъ твои движенія и твои мгновенія, прикованный неспоспимую къ тебѣ силою».

Трудно представить себѣ, какъ именно любилъ Гоголь Вильгорскаго — его чувства такого рода намъ вообще неизвѣстны, намъ не на чемъ провѣрить его влюбленность, потому что, какъ извѣстно, Гоголь никогда никого не любилъ. Но одно становится понятно по этимъ запискамъ: это было исключительное чувство и по силѣ, и по отѣнку, и вѣроятно, весь Гоголь былъ бы другой, если бы ему не пришлось пережить дружбы съ Вильгорскимъ. То, что щедро дается другимъ — и простымъ смертнымъ, и гениямъ — возможность любить и быть любимымъ, Гоголю вовсе не удалось бы узнать, не встрѣтись онъ съ Іосифомъ Вильгорскимъ.

Самъ онъ такъ рассказывалъ объ этой влюбленности:

«Ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій стрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и

дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности; когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя. И все чувства — сладкія, молодыя, свѣжія — увы! — жители невозвратимаго міра — возвратились ко мнѣ. Боже, зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, мой милый, молодой цвѣтъ...»

И въ Россіи, и въ Римѣ и, конечно, въ самомъ семействѣ Вильгорскихъ знали о дружбѣ, соединившей этихъ двухъ людей. Семейство умирающаго съ благодарностью говорило о Гоголѣ; въ Петербургѣ удивлялись «самопожертвованію» Гоголя — все знали, какой онъ эгоистъ, и даже въ любовь его къ роднымъ сестрамъ не очень вѣрили. Письма его на родину, хоть и очень печальныя, были въ это время признаны тѣмъ свѣтомъ, который уже никогда больше не зажегся въ нихъ. Онъ рассказывалъ о своемъ другѣ, о бессонныхъ ночахъ, проведенныхъ съ нимъ, о его талантахъ, загубленныхъ болѣзнью.

Княгиня Волконская, спачала очень Гоголя любившая, накануне смерти графа едва не поссорилась съ нимъ: она желала, чтобы католическій, а не православный священникъ напутствовалъ умирающаго.

Грустный и молчаливый, Гоголь въ тотъ день пошелъ по городу — бродить куда глаза глядятъ, искать русскаго священника для исповѣди умирающаго друга. Онъ нашелъ его и привелъ въ садъ, гдѣ на подушкахъ лежалъ графъ Вильгорскій. Гоголь самъ читалъ отходную, князь Репнинъ, бывший при этомъ, держалъ больного, принимавшаго причастіе, и читалъ за него «Вѣрую». Тутъ же молча присутствовали Е. И. Черткова, которую Вильгорскій очень любилъ, и графиня М. А. Воронцова. Когда Вильгорскаго перенесли въ его комнату, тамъ уже былъ аббатъ Жерве, приглашенный княгиней Волконской. Она нагнулась къ умирающему и тихо шепнула аббату:

«Вотъ теперь настала удобная минута обратить его въ католичество».

Аббатъ возразилъ, что въ комнатѣ умирающаго должна быть полная тишина, — видимо, ему было неловко отъ ея настоящности. Волконская впоследствии говорила, что она видѣла, «какъ душа Вильгорскаго вышла изъ него католическая» (Воспоминанія княжны В. Н. Репниной).

Графъ передъ смертью былъ такъ слабъ, что Черткова вмѣстѣ съ Гоголемъ держали передъ нимъ стаканъ съ питьемъ. Мужъ Чертковой, видимо, несочувствовавшій симпатіи своей жены къ молодому графу, требовалъ ея слѣснаго отъѣзда изъ Рима. Когда она покидала больного, за нѣсколько часовъ передъ его смертью, Іосифъ въ порывѣ нѣжности и благодарности къ ней снялъ съ руки своей кольцо и надѣлъ ей на палецъ. Княгиню Волконскую это покорило и она тутъ же громко произнесла: «это безнравственно!» Но Іосифу Михайловичу уже было безразлично, что скажутъ о немъ его друзья.

Гоголь остался одинъ. Въ своей жизни онъ уже пережилъ однажды смерть близкаго человека — смерть обожаемаго имъ Пушкина. Сейчасъ новая потеря была окрашена въ другой цвѣтъ — отчаянія, позіи, личнаго одиночества. Онъ съ грустью выѣхалъ въ Ниццу, къ матери своего моло-

дого друга, и сообщилъ ей эту новость, которой сперва она не хотѣла вѣрить. Помогавшись по Европѣ, онъ скоро вернулся въ Россію, но долго еще не заживала въ немъ эта рана, и не было человека во всю его жизнь, который могъ бы замѣнить ему его героя «Ночей на виллѣ».

*

Прошло одиннадцать лѣтъ. Отношенія съ милымъ для него семействомъ Вильгорскихъ продолжались. Гоголь свято хранилъ у себя Библию, подаренную ему Іосифомъ Михайловичемъ, съ надписью: «Другу моему Николаю». Въ 1850 году онъ уже былъ совершенно другимъ человекомъ — подозрительнымъ, ипохондрикомъ, потерявшимъ почти половину своихъ друзей. Неизвѣстно, что именно свело его съ младшей сестрой покойнаго его друга, графиней Анной Михайловной. Ей было въ то время подлѣ тридцать. Какъ и ея старшая сестра, она жадно прислушивалась ко всему тому, что говорилось Гоголемъ у нихъ въ домѣ, его религіозность не только заражала ее, но благодаря ей, Анна Михайловна почувствовала въ Гоголѣ учителя. Возможно, что это было увлеченіе чисто духовное, свойственное не очень юнымъ дѣвушкамъ того времени, но возможно, что было и другое: Гоголь, во всякомъ случаѣ, отвѣтилъ ей на ея чувство, какъ умѣлъ. Онъ переписывался съ ней (причемъ письма его носятъ весьма нравсучительный характеръ), много бесѣдовалъ съ ней, читалъ ей отцовъ церкви. В. А. Соллогубъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ объ Аннѣ Михайловнѣ какъ о «единственной женщинѣ, въ которую Гоголь былъ влюбленъ». Можетъ быть, такъ оно и было, во всякомъ случаѣ, какъ говорили, онъ пытался изобразить ее въ Уленькѣ (II-ая часть «Мертвыхъ душъ»). Образъ вышелъ не слишкомъ живой. Одно несомнѣнно: Гоголь сватался къ графинѣ Вильгорской и получилъ отказъ.

Пока Гоголь велъ съ влюбленной въ него дѣвушкой разговоры, давалъ ей совѣты «не танцовать», «не вести праздныхъ разговоровъ», говорилъ ей откровенно, что она дурна собой, — и мать и отецъ Вильгорскіе, очень Гоголя любившіе, не вмѣшивались въ эту дружбу. Но когда Гоголемъ было сдѣлано официальное предложеніе, весь этотъ «романъ» оказался вдругъ «невозможенъ». Титулованные, сановные люди, они не могли допустить мысли о бракѣ ихъ дочери съ мелкопомѣстнымъ дворяниномъ — пусть гениальнымъ литераторомъ. Оба назвали мысль Гоголя просто «странной», непонятно откуда взявшейся у человека «съ такимъ умомъ».

Гоголь пережилъ отказъ Вильгорскихъ безъ особыхъ страданій. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Аннѣ Михайловнѣ онъ проситъ не считать его чужимъ. Больше было ему оторваться отъ всей семьи въ цѣломъ — здѣсь еще жива была память объ умершемъ его другѣ, чувство къ которому Гоголя было, конечно, неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ къ его сестрѣ.

Больше онъ никогда не пытался сблизиться съ женщиной и, вѣроятно, вскорѣ понялъ, что былъ бы смѣшонъ подлѣ вѣнцомъ. Много позже Анна Михайловна вышла замужъ за кн. А. И. Шаховскаго. Но Гоголь въ то время уже не былъ въ живыхъ.

Н. БЕРБЕРОВА.